

повеллу, а калика знаетъ также иногда и былины, нѣсколько окрашивая ихъ чертами своей профессіи. Здѣсь калика, впрочемъ, нѣсколько ригористичнѣе, какъ мы видѣли, былиннаго сказителя (Фепоновъ, см. выше): причина этого въ томъ, что калика еще сохраняетъ черты профессиональнаго пѣвца, сказитель же былины уже пересталъ имъ быть. Наконецъ, и на сѣверѣ, гдѣ калика имѣетъ въ своемъ распоряженіи былинный матеріалъ для расширения своего репертуара по требованію вкусовъ современныхъ ему слушателей, расширеніе это происходитъ въ ту же сторону, что и у южнаго калики, былинь не знающаго: онъ въ число своихъ задачъ включилъ уже и забаву слушателей и, хотя неохотно, внесъ въ репертуаръ уже шуточные произведенія: калика Фепоновъ, пѣвшій духовные стихи и былины, такъ же какъ его учитель Мѣщаниновъ, поетъ веселыя „небылицы“ (Гильфердингъ, I, 456, прим.; ср. В. Миллеръ, Оч., 35), а также шуточную сатирическую „поэму“ Птицы (№ 62); пѣвецъ былинь Заваль (Гильфердингъ, III, 473—474) знаетъ только двѣ былины, а больше сказокъ, шутливыхъ повѣстишекъ, а въ числѣ ихъ и „Большого Быка“ (№ 303); человѣкъ это бывалый, исколесившій чуть не всю Россію, стало быть, до извѣстной степени не представитель только мѣстныхъ узкихъ вкусовъ. Нашъ Артамоновъ, какъ мы это уже видѣли, также, несмотря на свое каличество, невольно расширилъ свой репертуаръ въ ту же сторону, распѣвая Камаринскую и Θому съ Еремой. Ясно, что въ настоящее время потребность въ народной пѣснѣ, преимущественно шутливаго, забавнаго характера, можетъ считаться общераспространенной: отъ пѣсни требуютъ не только утѣхи въ старинномъ смыслѣ этого слова, но и веселой забавы, потѣхи. Вотъ и съ другой стороны мы приходимъ къ тѣмъ же наблюденіямъ, какія мы получили и раньше, на основаніи непосредственныхъ наблюденій надъ исполнителемъ духовнаго стиха: репертуаръ и содержаніе былинь и духовныхъ стиховъ даютъ намъ одинаковыя показанія. Такимъ образомъ, какъ былинѣ приходится считать у современныхъ исполнителей выраженіемъ старой традиціи, а историческую и шутивную пѣсню относить къ младшей традиціи и современности, точно также и духовный стихъ современнаго калики—остатокъ старой профессиональной традиціи, а его мірскія пѣсни уже искаженіе этой традиціи. Поэтому мы въ нашемъ изученіи современной каличьей